

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>

Научная статья / Research article

Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии

М.В. Оськин

Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, 300028, Россия, Тула, ул. Болдина, 94; maxozv@yandex.ru

Demobilizing the Romanian Front in Winter 1917–1918 and the Fate of Russian Military Property in Moldova and Bessarabia

Maxim V. Os'kin

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association;
98 Boldina St., Tula 300028, Russia; maxozv@yandex.ru

Abstract: The article deals with the Bessarabian question after 1917, as well as the demobilization of the Russian armies on the Romanian front. The fate of Bessarabia, which Romanian troops occupied in January 1918, depended on agreements between various foreign governments. Thus, Bessarabia was under Romanian rule even before the Treaty of Versailles, and it was incorporated into the Romanian Kingdom after World War I. As the front collapsed and Russian troops there were demobilized, their commanders tried to keep their country's military property in the border areas of Moldova. Indeed, Russian generals made every effort to stabilize the situation in the Southwestern region in 1917 and 1918. However, in the face of their weakness, the Russians were not permitted to keep such property, not to mention their erstwhile Bessarabian province. The author concludes that Russian occupation of Romanian territory was inevitably fated to end because of its military weakness and civil war.

Keywords: Bessarabia, Romanian front, demobilization of the army, Pomglavkorum, revolutionary process, Russian property, Rumcherod

For citation: Os'kin, Maxim V. "Demobilizing the Romanian Front in Winter 1917–1918 and the Fate of Russian Military Property in Moldova and Bessarabia." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 31–49. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>

Введение

Окончание Первой мировой войны 1914–1918 гг. закрепило распад нескольких империй – Германской, Австро-Венгерской, Османской и Россий-

ской. На их обломках создавались новые государства, происходило перераспределение пограничных территорий, и по итогам гражданского противостояния различной степени интенсивности вновь «стягивалось» ядро прежней государственности. Распад империй фактически начался уже во время войны, однако вплоть до Компьенского перемирия судьба спорных земель оставалась неясной, так как на них, как правило, располагались армии противника. Важным исключением из правила, по крайней мере для регионов Российской империи, стала во многом уникальная судьба отдаленного юго-западного угла страны – Бессарабии, которая уже в начале 1918 г. была захвачена интервентами – союзниками России по Антанте, продвигавшимися вглубь России с целью противостояния интервентам-противникам – армиям Центральных держав.

Проблематика итогов Первой мировой войны, связанная с бессарабским вопросом, неоднократно и подробно изучалась и затрагивалась в отечественной историографии. Советское правительство не признавало присоединения Бессарабии к Румынии, и потому труды советского периода однозначно оценивают этот вопрос как категорически негативный для России – СССР¹. Вторжение румынских войск в Бессарабию в январе 1918 г., последующие политические игры с местными органами власти (Сфатул Цэрий) и соглашения с германским командованием о контроле румын над данным регионом с вероятностью его последующего присоединения советские ученые трактуют как несомненную агрессию и оккупацию территории своего бывшего союзника по Первой мировой войне. Негативная оценка историков подкреплялась тем, что агрессия осуществлялась государством, которому в 1916–1917 гг. русской стороной оказывалась разнообразная помощь и поддержка как своему союзнику.

Той же позиции в целом придерживается и современная отечественная историография², возможно, несколько смягчая акценты оценки румынской политики аннексии за счет использования объективных факторов, приведших к присоединению Бессарабии к Румынии. Вместе с тем некоторые работы, прежде всего изданные в Молдавии, практически оправды-

¹ *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1957; *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир 1918 г. М.: Соцэргиз, 1959; *Френкин М.С.* Революционное движение на румынском фронте 1917 г. – март 1918 г., М.: Наука, 1965; *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1969; *Лунгу В.* Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1979.

² Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе, М.: РГБ, 1991; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М.: Индрик, 1996; Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI в.). М.: РИСИ, 2011; Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М.: Институт славяноведения РАН, 2012.

вают факт оккупации, делая упор на интересах высших слоев молдавского общества, а не на простых людей – рабочих и крестьян, как ранее. В частности, утверждается, что «местные элиты стремились восстановить порядок и стабилизировать военную ситуацию в условиях полной дезинтеграции фронта» и что «постепенно вариант объединения с Румынией стал восприниматься как “меньшее зло” в тогдашних обстоятельствах»³.

Румынская историография в целом придерживается той официальной позиции образца 1918 г., что была выдвинута тогдашним румынским военно-политическим руководством. В румынском воззвании от 7 января 1918 г.⁴, подписанном командующим румынской армией К. Презаном, говорилось, что целью вступления румынских оккупационных войск в Бессарабию является снабжение фронта, а также осуществление демобилизации русских войск⁵. На деле Сфатул Цэрий, действительно, в конце 1917 г. большинством голосов принял решение о вводе румынских войск в Бессарабию и взял курс на присоединение русской губернии к Румынии. Выступившие же против таких действий депутаты подверглись репрессалиям. Правомерность действий Сфатул Цэрия находится под большим сомнением, что не мешает и в наши дни утверждать, что румынская армия вступила в Бессарабию «по многочисленным просьбам официальных органов власти Кишинева», выполняя такие задачи, как «поддержание порядка и защита границы между Бессарабией и Румынией»⁶. В новейшем русско-румынском сборнике, вышедшем к юбилею окончания Первой мировой войны⁷, статьи румынских авторов в целом продолжают данную линию – на оправдание процесса присоединения Бессарабии к Румынии, объясняя его комплексом объективных обстоятельств и субъективных условий.

Наименее изученным процессом того времени являются русско-румынские отношения во взаимосвязи с демобилизацией Румынского фронта. Особое место здесь занимает компромиссная политика русского командования, лавировавшего между красными, белыми и интервентами в стремлении добиться наиболее выгодных для России условий роспуска войсковых частей и соединений фронта. Анализ действий различных участников событий начала 1918 г. на территории расположения войск Румынского

³ Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 366.

⁴ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю, принятому в 1917–1918 гг. как в Румынии, так и в штабе Румынского фронта, о деятельности которого идет речь в статье.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

⁶ История Румынии. М.: Весь мир, 2005. С. 502.

⁷ *Romania si Rusia in timpul Primului Razboi Mondial* (Bucuresti: Editura Top Form, 2018).

фронта, протекавших в условиях демобилизации русских войск и вторжения румын на русскую территорию, является целью настоящей статьи.

Источниковой базой статьи послужили несколько личных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), относящихся к современникам Первой мировой войны, и двух фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), отражающих процесс демобилизации Румынского фронта. Анализ архивных документов показывает нелегкий путь и выбор русского военного руководства Румынского фронта в политике демобилизации войск и сохранении российского имущества в Молдавии и Бессарабии. Этот выбор предлагался в условиях начинавшейся в России Гражданской войны и параллельно – румынской оккупации русской Бессарабии (один из отчетов по демобилизации прямо говорит, что «январский переворот – захват Одесской области большевиками, совпал с занятием румынами Бессарабии, вследствие чего связь с фронтом была прервана и фронт, как таковой, прекратил свое существование»⁸).

В личном фонде генерала Д.Г. Щербачева (Ф. 5936), который возглавлял войска Румынского фронта, содержатся различного рода делопроизводственные материалы (прежде всего отчеты) о действиях командования фронта накануне и в ходе демобилизации, в том числе в отношении русского военного имущества в Бессарабии. Материалы фонда командующего 9-й армией (а позднее – инспектора по формированию добровольческих частей на Румынском фронте) генерала А.К. Кельчевского (Ф. 6051) дополняют подобные сведения. Из фонда Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов (Ф. 5881) были использованы мемуары командира 40-й пехотной дивизии А. А. Курбатова.

В свою очередь, в РГВИА материалы фондов Канцелярии главного начальника снабжений армий Румынского фронта (Ф. 2086) и Управления начальника по ликвидации Румынского фронта (Ф. 2099), во главе которых стоял А.С. Санников, характеризуют деятельность тех военных структур, что непосредственно отвечали за демобилизацию русских войск, а также за перемещение и охрану войскового имущества, оставляемого в Румынии и Бессарабии.

В преддверии оккупации

Неудача Июньского наступления 1917 г., в котором румынская армия показала себя наиболее дисциплинированной силой Восточного фронта Антанты, отчетливо выявила, что чаша весов в сотрудничестве между Россией и Румынией начинает склоняться в пользу последней. Если до и сразу

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2099. Оп. 1. Д. 164. Л. 41 об.

после Февральской революции румыны были вынуждены идти на уступки русским как заведомому лидеру в союзе по Восточному фронту, то ближе к осени 1917 г. развитие революционного процесса в России вынуждает Временное правительство все больше и больше уступать румынской стороне в тех или иных вопросах. Справедливо, что в определенной степени русская революция изолировала Румынию от прочих союзников по Антанте⁹. Однако вплоть до октябрьского переворота и установления в России советской власти этот фактор не был столь очевидным. Предполагалось, что русские революционные войска совместно с румынской королевской армией продолжают борьбу с общим врагом.

Невзирая на тот факт, что русские армии Румынского фронта по-прежнему находились в окопах, удерживая фронт, стало понятно, что реальной боевой силой на этом участке являются румынские армии, отлично показавшие себя в сражении при Марашешты. Тем самым помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта (Помглавкорум) Д.Г. Щербачев (главкомом официально являлся румынский король Фердинанд I, чьи полномочия были весьма ограничены) в своей политической деятельности по сглаживанию обострений развивавшегося в России революционного процесса мог опираться на румынскую военную силу. По мнению сына Помглавкорума А.Д. Щербачева, французы продемонстрировали качество румынской военной силы, «подтянув в один год всю румынскую армию и подняв ее на такую высоту, что солдаты сражались как львы, благодаря дисциплине, а офицеры умно распорядились»¹⁰.

Устойчивость зимней линии Румынского фронта и замирение боевых действий на нем весной не предвещали угрозы для стабильности окопной борьбы и удерживаемой союзниками территории. Напротив, русские планы наступления в кампании 1917 г. предполагали нанесение поражения неприятелю и освобождение части потерянной в 1916 г. румынской земли. Однако Русская революция 1917 г. и процессы разложения действующей армии сначала отложили на неопределенное время планировавшееся к середине весны наступление. Последовавший в ходе Июньского наступления разгром возродил к жизни уже почти забытые планы эвакуации остатков румынской власти вглубь России.

С 1 августа предполагалась эвакуация из Молдавии румынского правительства и королевского двора (в Херсон), военнообязанных с семьями, пленных, военных грузов и фронтовых учреждений. Эвакуация проводилась силами междуведомственной комиссии с участием румынских пред-

⁹ R. Hamilton, *Decisions for War, 1914–1917* (Cambridge, 2005), 214.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 10.

ставителей во главе с помощником генерал-квартирмейстера Румынского фронта полковником Н.А. Берхом¹¹. Масштабы эвакуации были снижены после корниловского выступления и как его следствия – нарастания радикализации внутри России и русской армии. Но и частичная эвакуация (без правительства и королевского двора), тем не менее, вызвала продовольственные затруднения даже в богатой хлебной губернии. В начале августа херсонская городская продовольственная управа просила у министра продовольствия разрешения на внеочередную погрузку вагонов пшеницы и крупы из Киевской и Полтавской губерний, «ввиду крайней нужды в продуктах, усилившейся с приездом румын»¹².

Отступление армий Юго-Западного фронта из Галиции за линию государственной границы, реку Збруч, оголило правый фланг Румынского фронта, защищаемого 9-й армией Г. В. Ступина. Поэтому, в первую очередь, было решено отправлять внутрь страны тылы этой армии. 21 июля начальник штаба Румынского фронта Н.Н. Головин телеграфировал, что «ввиду критического положения Черновцов, а следовательно, северной части Румынии, эвакуация территории королевства фактически начинается», о чем был уведомлен румынский премьер. 29 июля Главный начальник снабжений армий Юго-Западного фронта Е.Ф. Эльснер, уточняя правила предстоящей эвакуации, телеграфировал: «Населению необходимо всем препятствовать сниматься с мест; войска никоим образом не должны принуждать его уходить. Собранные за нас хлеба ни на полях, ни под крышей уничтожению и сжиганию не подлежат, дабы не расстраивать войска отвлечением от боевых задач. Не вынуждать население уничтожением населенных пунктов и запасов хлеба эвакуироваться. Увод скота и пригодных армиям лошадей может осуществляться лишь при неизбежности отхода войск в полосе до перехода от боевых линий войск. Все излишки эвакуированного скота, за исключением нужного для продовольствия войск, а равно лошадей, должны передаваться по счету румынским властям». В свою очередь, Главный начальник снабжений армий Румынского фронта А.С. Санников также предлагал разъяснить населению, что «сопротивление реквизиции перевозочных средств бесцельны, так как в случае эвакуации отступающие войска все равно заберут с собою весь скот и все повозки»¹³.

Революционный процесс в России и начавшийся в конце лета постепенный развал Восточного фронта вынудил румынское руководство сконцентрировать максимум возможных ресурсов в своих руках, в том числе и за счет русской стороны. В частности, в разгар корниловского выступления,

¹¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 6. Д. 334. Л. 17–18.

¹² ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 463. Л. 16.

¹³ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об., 47–48, 53.

согласно конвенциям 24 августа в Петрограде и 27–28 августа в Яссах, Россия приняла на себя снабжение продовольствием гражданского населения в Румынии, а любые заготовки русских войск в Румынии были запрещены. До конца года румынское население получило 100 тыс. тонн зерна и 300 тыс. тонн кукурузы¹⁴. То есть, видя крушение русской государственности и представляя себе последствия для Румынии, король Фердинанд I отдал распоряжение придерживать собственно румынские ресурсы в Молдавии и усилить накопление запасов в приграничных российских губерниях.

Румынскую сторону поддерживали и западные союзники. В конце сентября французы предложили создать межсоюзную комиссию по обеспечению железнодорожного сообщения в Бессарабии, очевидно, по инициативе главы союзной миссии в Румынии А.-М. Бертело, так как официально с предложением обратились румыны. Французы считали, что русские поставляют румынам недостаточно продовольствия, и Бертело предлагал создать в Бессарабии межсоюзную комиссию для формирования крупных запасов продовольствия путем его скупки или реквизиции¹⁵. Иными словами, речь шла о том, чтобы передать Бессарабию в экономическом плане на откуп румынам. В последующем в состав российских демобилизационных структур будут введены французские, британские и американские представители, и речь не шла, что вполне естественно, о румынских.

Румынское командование, видя нараставшие в России дезинтеграционные процессы и предвидя ухудшение ситуации (особенно после корниловского выступления), нацелилось на политику экономии собственных ресурсов. Если ранее такая тактика в определенной степени сдерживалась русской стороной, то теперь она стала генеральной линией румынского правительства. Твердо намереваясь продолжать войну, румыны справедливо опасались либо развала русской армии, либо выхода России из войны, ввиду чего следовало оставить продовольствие и фураж в своих руках. По соглашению с русской стороной румыны обязывались предоставить русским войскам определенную квоту продуктов, но не более того. Основную часть продфуража следовало подвозить из России. Вследствие этого расположенные на румынской территории русские армии Румынского фронта (4-я, 6-я и 9-я) с наступлением осени стали испытывать нехватку снабжения, так как подвоз из России постепенно иссякал, а румыны старались сохранить имеющиеся и без того небогатые ресурсы для себя.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 164. Л. 39.

¹⁵ *Магадеев И.Э.* Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // *Новая и новейшая история*. 2017. № 6. С. 44.

Дабы снизить последствия назревавшей продовольственной катастрофы, в октябре 1917 г. из действующей армии были отчислены в запас призывники 1900–1902 годов рождения. Характерно, что для Юго-Западного и Румынского фронтов указывалось прямо – «с целью несколько облегчить продовольствие армий»¹⁶. К моменту октябрьского переворота на Румынском фронте продуктов оставалось на пять – семь дней¹⁷, тем не менее откровенного голода на фронте не было вплоть до заключения Брестского мира. Другой вопрос, что после прихода к власти большевиков сокращение численности действующей армии пошло ускоренными темпами. Следовательно, вплоть до окончания демобилизации в марте 1918 г. фронт продолжал снабжаться теперь уже по воле большевистского правительства, взявшего курс на выход России из войны.

В сложившихся условиях противоречия между союзниками стали выливаться и в явные конфликты, так как уходившим русским войскам в ситуации катастрофического снижения объемов подвозимого продовольствия из-за начинающейся в России Гражданской войны чем-то надо было питаться. В свою очередь, остававшимся в окопах румынским армиям и мирному населению требовалось оставить для себя как можно больше ресурсов в силу неясной перспективы заключенного с Центральными державами перемирия. Известно, что объявление перемирия советским правительством и усилившийся развал фронта в условиях минимального снабжения понудили войска уходить с позиций и добывать себе пропитание в тылах на театре военных действий. Конечно, такая практика влекла за собой определенный уровень насилия.

Русское командование во главе с генералом Д.Г. Щербачевым осознавало возникшие на этом фоне проблемы румынского союзника и способствовало их решению собственными распоряжениями. Прежде всего, русским соединениям, постепенно отходившим на русскую территорию пограничной Бессарабии, запрещалось забирать с собой продовольствие и фураж. Например, 31 октября Помглавкорум запретил перегон скота из Румынии в Бессарабию. Он отмечал: «Некоторые войсковые части, приходящие в Бессарабию, ведут с собой рогатый скот иногда в значительном количестве и на просьбу румынских властей доказать происхождение этого скота, отказываются давать объяснения и силой переходят границу, заявляя, что скот получен от интендантства»¹⁸. Очевидно, запреты не действовали, если спустя полтора месяца, 14 декабря, румынская сторона настаивала перед

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

¹⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1934. Л. 19.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 17. Л. 349.

Д.Г. Щербачевым на издании запрета на вывод скота из Румынии русскими отрядами. Румынская сторона заявляла: «Ввиду того, что мы этим лишаемся последних запасов, честь имеем просить Вас довести до сведения русских армий, что им категорически воспрещается уводить скот из Румынии в Бессарабию. Румынским постам приказано препятствовать русским отрядам и частям совершать подобные поступки»¹⁹.

Дело сотрудничества русского командования с румынами осложнялось тем, что к концу 1917 г. в русских войсках Румынского фронта происходили процессы самовольной смены командиров солдатскими массами и их комитетами, отстранения их от должности и порой откровенного изгнания из соединений. Так, в начале декабря со своего поста был смещен и отправился в распоряжение штаба фронта командарм-9 А.К. Келчевский, которого сменил солдат Сафонов. Вскоре был арестован командарм-4 А.Ф. Рагоза, после освобождения уехавший в Умань. Не дожидаясь ареста, в Киев выехал командарм-8 Н.Л. Юнаков. Были и противоположные случаи – за беззастенчивое соглашательство с солдатскими комитетами штабом фронта при поддержке румынских войск, занявших штаб армии в Белграде, был отправлен в отставку командарм-6 А.А. Цуриков. Подобной участи подверглись и многие нижестоящие начальники – командиры корпусов, дивизий и проч., хотя не без поддержки румын части из них удалось остаться на своем посту.

Помимо личностных требований к командирам, особенно четко обозначившихся после корниловского выступления, основной проблемой стал вопрос о признании советской власти. Не обязательно было присягать советскому правительству – способы сохранения своего поста могли быть разными. Например, по воспоминаниям командира 40-й пехотной дивизии (6-я армия) А.А. Курбатова, на дивизионном митинге 6 декабря солдаты потребовали от начдива ответить, «признает ли он Крыленку» (Н.В. Крыленко – первый советский Верховный главнокомандующий), тот ответил уклончиво, но все обошлось. Курбатов вспоминал: «А был момент, что над нами был бы свершен самосуд с превращением в кусок мяса, с надругательством и со срыванием погон. Недаром начальник штаба взял с собой револьвер, чтобы уничтожить себя раньше убийства»²⁰. Курбатову удалось продержаться до начала весны, а затем присоединиться к белогвардейскому отряду полковника М.Г. Дроздовского, ушедшего на Дон для соединения с Добровольческой армией Л.Г. Корнилова.

Таким образом, к концу 1917 г. оказались смещенными все командармы, и демобилизация во многом приняла стихийный характер. Однако

¹⁹ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 55, 292.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442. Л. 16.

высшее командование сумело приложить все усилия и сделать все возможное, чтобы обеспечить организацию как выхода России из войны, так и демобилизацию войск. Главную роль в этих процессах должен был играть штаб Румынского фронта, отвечавший за удержание линии фронта вплоть до заключения мира и предстоящую демобилизацию.

Важным обстоятельством, в перспективе повлиявшим на процесс распада Румынского фронта, стало подчинение его командования украинской Центральной Раде, что рассматривалось Д. Г. Щербачевым как альтернатива советскому правительству в Петрограде. Решение об объединении 23 ноября Румынского и Юго-Западного фронтов в Украинский фронт, который возглавил Щербачев, несмотря на свою недолговечность, позволило в будущем украинским сепаратистам претендовать на русское военное имущество в Румынии и даже на Бессарабию.

Запутанность взаимного подчинения, оттеняемого сепаратными настроениями, вследствие частой смены властей на данной территории (Совнарком, которому формально подчинялась вся армия; Центральная Рада, претендовавшая на легитимацию суверенитета; бессарабский Сфатул Цэрий, лавировавший между различными политическими силами) осложнялась внешним фактором, постепенно приобретшим ведущее значение. Во-первых, это – румынская армия и правительство, обозначившее курс на присоединение Бессарабии по итогам Первой мировой войны и Центральные державы, заинтересованные в объявленном В.И. Лениным выходе России из войны, а следовательно, вынужденные учитывать румынский фактор на Восточном фронте.

Начинавшаяся в России Гражданская война, раскалывавшая и остававшиеся в окопах русские боевые части, лишь усиливала запутанность ситуации на Румынском фронте, где к началу 1918 г. располагалось 54 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, в том числе 10 пехотных и 1 кавалерийская – украинские, 2 пехотные – молдавские, 7 пехотных дивизий и Крымский полк – мусульманские²¹. Разумеется, эти соединения были дивизиями лишь на бумаге, так как самодемобилизация войск фронта затронула все подразделения бывшей русской армии. Поэтому реальная мощь таких частей была невелика, но в ситуации развала каждый организованный полк считался немалой силой.

Отражая итоги выборов в Учредительное собрание (60% голосов Румынский фронт отдал эсерам) и учитывая большевизацию войсковых комитетов, штаб фронта во главе с Д.Г. Щербачевым, опираясь на военную поддержку дисциплинированных румын, к концу 1917 г. сумел разгромить

²¹ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 17 об.

централизованную структуру советской власти на Румынском фронте (арест и расстрел С.Г. Рошаля), после чего 13 января 1918 г. Совнарком объявил Щербачева вне закона и выпустил постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией, заодно конфисковав хранящийся в Москве золотой фонд Румынии. В тот же день Щербачев сложил с себя полномочия командующего Украинским фронтом и вернулся к командованию только на Румынском фронте, так как Центральная Рада начала с немцами сепаратные переговоры о мире.

Румынское вторжение в Бессарабию и демобилизация Румынского фронта

После того, как Центральная Рада начала переговоры с Германией, союзники по Антанте выдвинули проект независимой Бессарабии во главе с Д.Г. Щербачевым, но тот не согласился, ввиду чего ввод румынских войск в Бессарабию стал неизбежен. Причинами тому стали как объективные обстоятельства – необходимость снабжения фронта и захват ресурсов региона для этой цели, так и субъективные – расчеты румынского правительства на послевоенное отторжение Бессарабии в свою пользу. Сам Помглавкорум решил на ввод румынских войск в Бессарабию только для того, чтобы обеспечить снабжение войск, причем румынский премьер-министр И. Брэтиану и главнокомандующий румынской армией К. Презан уверили его, что не имеют территориальных притязаний²². 7 января 1918 г. румынские войска перешли пограничную реку Прут. Через две с небольшим недели располагавшийся в Одессе Центральный исполнительный комитет Советов Румынского и Черноморского флотов и Одесского военного округа (Румчерод), которому подчинялись все революционные подразделения Румынского фронта, объявил Румынии войну.

Согласно румынским договоренностям с двинувшимися вглубь российской территории немцами, численность румынской армии резко снижалась, но в Бессарабии – не лимитировалась, что позволяло румынскому командованию сохранить достаточно крупные военные силы в ожидании неминуемого разгрома Центральных держав. Сохранив армию, румыны удерживали локальную гегемонию на Балканах. Таким образом, после октябрьского переворота и установления в России советской власти юго-западный угол страны – Бессарабия – стал первым объектом иностранной интервенции. Пока Совет Народных Комиссаров вел сложные переговоры о выходе России из войны, проходила демобилизация Восточного фронта, а на окраинах уже начиналась Гражданская война и вчерашний союзник

²² ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 26.

России по Антанте – королевская Румыния уже готовилась к аннексии Бессарабской губернии.

В условиях политической нестабильности, когда на территории Бессарабии имели место противостояние между красными и белыми, сопротивление крестьян румынской «добровольной» оккупации, продвижение вглубь России австро-германских войск и переговоры румын с Центральными державами, штаб Румынского фронта должен был озаботиться ликвидацией имущества фронта и завершением демобилизации русских войск. Ликвидационная комиссия Румынского фронта под председательством начальника штаба 4-й армии Н.А. Монкевица не имела возможности вывоза в Россию российского имущества Румынского фронта, а потому следовало сохранить его на месте под союзнические обязательства, чем занималась особая комиссия под председательством инспектора артиллерии фронта князя В.Н. Масальского.

Главной целью своей деятельности ликвидационная комиссия и штаб Румынского фронта ставили сохранение русского военного имущества для будущей России в условиях румынского давления и назревавшей и вскоре начавшейся германской интервенции. Румынская инструкция от 10 февраля фактически передавала «русское имущество в почти полное распоряжение румын». Для преодоления конфликтов с румынами, у которых, согласно Отчету по демобилизации, «начинал уже устанавливаться взгляд на наше имущество как на их собственность», использовались союзные миссии²³. То есть в качестве гарантов сохранения русского военного имущества в собственности будущей России без большевиков были избраны французы и американцы. Противодействие румынской стороны и начавшаяся в России Гражданская война вынудили оставить русское военное имущество Румынского фронта на территории Румынии и Бессарабии под доверенность союзников.

В телеграмме Помглавкорума от 14 февраля по вопросу об имуществе русских войск Румынского фронта в адрес нового премьер-министра Румынии А. Авереску (в январе Брэтиану ушел в отставку под давлением неизбежности сепаратного мира) звучали следующие требования: «2). признание за Россией права собственности на все имущество русской армии, находящееся в Румынии. 3). признание за румынским правительством права временно задержать имущество, указанное в п. 2, как гарантию возвращения Россией оставшегося там имущества румынской армии»²⁴. В итоге была заключена компромиссная формула соглашения, согласно которому

²³ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 31 об.

²⁴ Там же. Д. 9. Л. 12.

Россия оставалась собственником войскового имущества русских армий Румынского фронта, Румыния – его хранительницей, а союзники – «дебиторами его стоимости». Однако отъезд союзных миссий после заключения Брестского мира и мирного договора между Центральными державами и Румынией (миссия А.-М. Бертело вместе с 300 бельгийцами из Донецкого бассейна отплыла в Англию из Мурманска в конце апреля 1918 г.²⁵) фактически передал это имущество в руки румын.

Для более успешной защиты русских интересов ликвидационной комиссией была предпринята попытка создать несколько больших общешфронтовых складов в Бельцах и на станциях Унгени, Соколы, Пырлица, Калараш, Бендеры, Рени. Тем не менее, между русской администрацией складов и румынской охраной «возникали постоянные недоразумения», так как румыны вывозили имущество со складов, а в случаях уличения их списывали происходящее на отдельные недоразумения и инциденты. В итоге было решено «передать все имущество на хранение румынскому правительству», что затянулось до 1 июля. 22 мая 1918 г. румынское военное министерство сообщило Главному начальнику Управления по русской ликвидации, что дата 1 июня является «сроком окончания всех работ по передаче находящегося в Румынии русского военного имущества, которому надлежит оставаться здесь в собственности русского государства»²⁶. Конечный срок пребывания русских военных чинов в Молдавии и Бессарабии определялся 1 июля 1918 г.

По минимальным подсчетам, румынам было оставлено около 200 русских складов стоимостью не менее 1 млрд руб. Русские однозначно считали, что с начала 1918 г. «чувствовалось стремление румын возместить за счет фронтового имущества те убытки, которые они понесли от войны и благодаря большевистскому движению в России»²⁷.

Румынскому политическому руководству русское присутствие на территории Бессарабии (которую оно уже фактически считало своим военным трофеем в качестве компенсации за участие в войне) было в принципе не нужно. Соответственно, и русское военное имущество рассматривалось в качестве трофея, которым, вдобавок, вполне можно было распорядиться при достижении тяжелых договоренностей с немцами, уже двинувшихся на Украину и постепенно отрезавших Бессарабию и Румынию от территории России. Доклад от 14 марта начальника штаба 9-й армии А.Н. Алексева, работавшего в ликвидационной комиссии, подводил общие

²⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 7.

²⁶ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 174. Л. 3.

²⁷ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 32–33, 36–37 об.

итоги. В нем отмечалось, что на фронте «находится громадное по количеству и огромное по своей ценности имущество русских армий. Это имущество частью сосредоточено в складах, а частью брошено войсками. Ежедневное расхищение и не узаконенная его распродажа наносят громадный ущерб всем частям бывшей Российской империи»²⁸. Русская сторона определенно назвала вещи своими именами – захват румынами русского военного имущества. Сделать же было ничего нельзя, так как русские армии прекратили свое существование, союзные миссии выезжали на родину, а румыны вели переговоры с немцами.

Интересно, что помимо румын на чужую собственность нашелся и еще один претендент, спешивший завладеть всем, что «плохо лежит», а именно – Украинская Народная республика (УНР), которой на рубеже 1917/1918 г. непродолжительное время юридически подчинился Румынский фронт и Помглавкорум генерал Щербачев. В отчете о демобилизации Румынского фронта, составленном в конце марта 1918 г., говорилось: «Одновременно обнаружались совершенно необоснованные притязания на имущество и со стороны Украины и Бессарабии. И те и другие стали на точку зрения своего исключительного права на оставление на Румынском фронте русского имущества, причем в некоторых случаях их притязания находили поддержку румын»²⁹. И если требования бессарабских властей просто служили плохо скрываемой ширмой для румынских целей, так как румыны уже контролировали якобы «независимую» Молдавскую республику, то получившая в свое распоряжение имущество Юго-Западного фронта Украинская Народная республика по свойственной привычке старалась воспользоваться ситуацией в свою пользу.

Претензия Украины основывалась на следующем – «так как Румынский фронт входил в состав Украинского, то и имущество его составляет собственность УНР». На заседании Комитета по демобилизации украинские представители Данилович и Котик, считая, что формальное месячное подчинение штаба Румынского фронта УНР предполагает полную капитуляцию перед требованиями украинского руководства в лице В.К. Винниченко и С.В. Петлюры, внесли в протокол уточнение, в котором говорилось: «Все имущество Румынского фронта всецело принадлежит УНР и подлежит перевозке на украинскую территорию». Разумеется, Д.Г. Щербачев отказал ничем необоснованным домогательствам³⁰. 12 февраля Данилович и Котик были выведены из состава Комитета по демобилизации, так

²⁸ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15. Л. 467.

²⁹ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 33.

³⁰ Там же. Л. 38.

как УНР заключила сепаратный мир с немцами. Основной же задачей Комитета ставилось недопущение расхищения русского имущества румынами и молдаванами (правительством Сфагул Цэрий)³¹.

Как и следовало ожидать, украинская сторона пошла обходным путем. Помощник Главного начальника снабжений армий Румынского фронта Санникова В.П. Тальгрэн заключил с представителями УНР определенного рода договоренности. Как следует из доклада полевого военного прокурора Румынского фронта полковника Семенова от 24 марта 1918 г., выяснилось, что в феврале Тальгрэн получил 500 тыс. руб. от штаба Помглавкорума на проведение мер по демобилизации армии, но не отчитался о расходах и денег не вернул. Впоследствии Тальгрэн распродал имущество Ясского вещевого склада 9-й армии на сумму в 640 тыс. руб., но денег не заприходовал. На 24 февраля Тальгрэн внес в Румынский национальный банк на свое имя 900 тыс. лей и еще 1 350 тыс., полученные от распродажи склада, были переведены членам украинского комиссариата³².

Наконец, 1 марта В.П. Тальгрэн прибыл в Кишинев, прямо представив себя представителем УНР, и предложил создать единую комиссию по демобилизации Украинского фронта, то есть не Румынского, а якобы Украинского. Какое отношение Щербачев имел к УНР, отказавшись сотрудничать с ним из-за явно прогерманской позиции Центральной Рады, остается неизвестным. Соответственно, Тальгрэн был немедленно уволен со своего поста и заменен Алексеевым, а 3 марта союзники приняли документ о принадлежности русского военного имущества Румынского фронта будущей России. Понятна потому характеристика Тальгрэна сыном Помглавкорума, который сказал, что это «был ужасный господин как в физическом своем облике, так и нравственном»³³.

Уже после разоблачения махинаций со стороны Тальгрэна другие украинские представители пытались получить хоть что-нибудь в свою пользу. Например, 12 апреля комиссар УНР при 9-й армии телеграфировал армейскому интенданту: «Большинство из указанных вами складов принадлежат исключительно украинским частям, а потому ликвидацию их фронтовым советом, в состав которого не входит представитель от УНР, нахожу неправильной и самочинной»³⁴. Эта история прекрасно показала отчетливо выраженную тенденцию «независимого» украинского правительства к присвоению чужой собственности под любым предлогом.

³¹ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 66. Л. 21.

³² ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–21.

³³ Там же. Д. 577. Л. 31.

³⁴ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 173. Л. 135.

В ситуации, когда германское командование подписало с румынским правительством договор, передававший Бессарабию румынам, штабу Румынского фронта, оставшемуся без войск (к началу марта русский военный персонал на Румынском фронте насчитывал около 12 тыс. чел.), оставалось только самоликвидироваться. Приказ Д.Г. Щербачева от 12 марта 1918 г. гласил, что 15 марта увольняются солдаты последних сроков призыва, а с 18 марта деятельность штаба прекращается и его расформирование должно пройти до 23 марта³⁵.

В связи с тем, что к середине лета работа русского командования в Бессарабии должна была завершиться, румынское правительство постепенно убирало с поля деятельности высокопоставленные российские фигуры, дабы не быть связанными в своих дальнейших действиях. Одним из первых был отправлен в почетную отставку уважаемый в союзных кругах генерал Д.Г. Щербачев. 25 марта Помглавкорум сложил свои полномочия, и король Фердинанд I наградил его Большим Крестом ордена звезды Румынии с мечами. 26 марта, после отставки генерала, союзники приняли обращение, в котором призывали: «Выразить уважение Вашей твердости и лояльности, при помощи коих Вы сумели, при самых сложных обстоятельствах, поддержать насколько было возможно общие интересы союзников»³⁶. В середине апреля русским офицерам было запрещено носить оружие на территории не только Румынии, но и Бессарабии, а русская охрана складов сдавала оружие и заменялась румынами³⁷. История Российской империи в Бессарабии завершилась.

Выводы

В условиях революционного процесса в России в период Великой российской революции 1917 г. судьба окраин бывшей Российской империи, оказавшихся под иностранной оккупацией или перед ее угрозой, складывалась весьма неблагоприятно, невзирая на обозначившийся перелом в Первой мировой войне в пользу Антанты. Наиболее уникальной оказалась судьба самой отдаленной юго-западной окраины страны – Бессарабии, перед которой открылось несколько вариантов дальнейшего развития. Предпринятые попытки воплотить в жизнь ту или иную альтернативу проводились различными политическими силами с разной степенью интенсивности и шансов на успех, однако определяющим фактором зимы 1917–1918 гг. стало наличие Румынского фронта и последующие процессы его распада и демобилизации как следствие выхода России из Первой мировой войны.

³⁵ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15. Л. 466.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 68. Л. 66.

Данный регион, расположенный на стыке интересов нескольких стран из разных противоборствующих в войне лагерей, был оккупирован румынскими интервентами (вчерашними союзниками) с разрешения австро-германских интервентов (противников по войне). Следовательно, распад Российской империи оказался выгоден не только неприятелю, но и союзникам, сыгравшим немалую роль в достижении договоренностей в отношении Бессарабии. Демобилизация Румынского фронта фактически передавала в руки румынам огромное российское имущество, на обладание которым румынская сторона претендовала в связи с удержанным в России румынским золотым запасом, а вдобавок – и способствовала вторжению румынских войск в Бессарабию.

Штаб Румынского фронта, вынужденный действовать в сложнейшей ситуации, имел главной целью юридическое сохранение военного имущества для будущей России, под которой штаб Помглавкорума, естественно, подразумевал не советскую страну. Соответственно, демобилизация русских войск, предполагавшая их возвращение по домам, во многом способствовала затуханию очагов Гражданской войны. Как ни парадоксально, румынская интервенция свела к минимуму Гражданскую войну, охватившую в 1918 г. практически всю территорию России. «Белые» в лице «дроздовцев» ушли на Дон, а «красные», подчинявшиеся Румчероду, были постепенно вытеснены за Днестр румынскими войсками. Намерения бессарабского крестьянства и городских низов воспользоваться законодательством советского правительства были при непосредственной поддержке румынской армии блокированы пришедшей к власти в Молдавии местной буржуазией. Тем самым до Хотинского восстания 1919 г. бессарабский регион временно был исключен из общероссийского гражданского противостояния, основное внимание при этом было уделено борьбе с интервентами, для чего потребовалось некоторое время.

Таким образом, в силу обстоятельств, связанных с войной, судьба региона оказалась в руках интервентов. Вчерашние враги – австро-германцы и румыны – смогли прийти к договоренностям по взаимной оккупации разных регионов бывшей Российской империи.

© Оськин М.В., 2019
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 11 ноября 2018 г.

Submitted: 11 November 2018

References

- Bereznyakov, N.V. *Bor'ba trudyashchihsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg* [The struggle of workers against the invaders in 1917–1920]. Kishinev: Kartya moldovenyaskheh Publ., 1957 (in Russian).
- Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy]. Moscow: Indrik Publ., 1996 (in Russian).
- Frenkin, M.S. *Revoljucionnoe dvizhenie na rumynskom fronte 1917g. – mart 1918 g.* [The revolutionary movement on the Romanian front 1917 – March 1918]. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Hamilton, R. *Decisions for War, 1914–1917*. [N.p.]: Cambridge University Press, 2005.
- Istoriya Rumynii* [The history of Romania]. Moscow: Ves' mir Publ., 2005 (in Russian).
- Kushko, A., and Taki, V. *Bessarabiya v sostave Rossiyskoy imperii (1812–1917)* [Bessarabia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012 (in Russian).
- Lungu, V. *Politika terrora i grabezha v Bessarabii 1918–1920* [The policy of terror and robbery in Bessarabia 1918–1920]. Kishinev: Kartya moldovenyaskheh Publ., 1979 (in Russian).
- Magadeev, I.E. “Vostochnyy front v 1917 godu i perspektivy rossiyskoy armii v ocenkah francuzskih voennyh ehkspertov.” [The Eastern front 1917 and prospects of the Russian army in the evaluation of the French military experts] *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 6 (2017): 29–46 (in Russian).
- Modernizatsiya vs. Voyna. Chelovek na Balkanah nakanune i vo vremya Balkanskikh voyn (1912–1913)* [Modernization and war. Man in the Balkans before and during the Balkan Wars (1912–1913)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Notovich, F.I. *Buharestskiy mir 1918 g* [The Bucharest peace 1918]. Moscow: Socehgiz Publ., 1959 (in Russian).
- Pervaya mirovaya vojna i problemy politicheskogo pereustroystva v central'noy i yugo-vostochnoy Evrope* [World War I and the problem of political reconstruction in Central and Southeastern Europe]. Moscow: RGB Publ., 1991 (in Russian).
- Romania si Rusia in timpul Primului Razboi Mondial* [Russia and Romania during the World War I]. Bucuresti: Editura Top Form Publ., 2018 (in Romanian).
- Vinogradov, V.N. *Rumyniya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Romania during the First World War]. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Romanian Eastern policy in the past and present (the late 19th – early 21st centuries)]. Moscow: RICI Publ., 2011 (in Russian).

Archives

- Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federacii [State archive of the Russian Federation], f. 5881, 5936, 6051, 6831.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arhiv [Russian state archive of military history], f. 369, 499, 2086, 2099.

Аннотация: В статье рассматривается политика русско-румынских взаимоотношений в бессарабском вопросе после октябрьского переворота 1917 г. и последующей демобилизации русских армий Румынского фронта. Отмечается, что судьба Бессарабии, на чью территорию в январе 1918 г. вступили румынские войска, зависела от соглашений между разнообразными внешними участниками событий, чьи действия в конце концов привели к оккупации Румынией этой части Российского государства. Следовательно, еще до Версальского мира Бессарабия фактически оказалась под властью румынского правительства и вошла в состав Румынского королевства по итогам Первой мировой войны. В обстановке развала фронта и демобилизации русской армии русский штаб Румынского фронта попытался сохранить для своей страны российское военное имущество, расположенное в приграничных районах Молдавии. Автор приходит к выводу, что русское военное командование приложило все усилия по стабилизации ситуации в юго-западном крае, однако взаимные соглашения между интервентами не позволили России сохранить де-факто ни имущество, ни Бессарабскую губернию.

Ключевые слова: Бессарабия, Румынский фронт, демобилизация армии, Помглавкорум, революционный процесс, русское имущество, Румчерод

Для цитирования: Оськин М.В. Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 1. С. 31–49. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>